

камнем, видит, как в зеркале, движения светил и предугадывает влияние констелляций. Для этого ему вовсе не надобно глядеть на небо — окна комнаты могут быть закрытыми (Пуассон, 1914—1915, № 8, с. 13). Стало быть, философский камень средневековых алхимиков проявляет вселенскую мощь. Он является, по Геберу, «лекарством трех царств», ускоряет любой естественный процесс (ВСС, 1, с. 558—561). Всеобщая и частная силы магистерия персонифицированы в одном чудодейственном, богоподобном, совершенно определенном веществе.

Между тем вещество это принципиально гипотетично, изначально идеализировано. Оно — плод прежде всего умозрительного конструирования. Но в конкретном препаративном действовании Великий магистерий алхимиков материализуется, обращая расплавленный неблагородный металл в золото или серебро. Мощь философского камня универсальна и сопоставима с мощью его творца — алхимика. Ступенчато возрастающая мощь, достигающая предела в высшем знании. Во все не зря титул Альберта Великого был тройным, всеохватным, хотя внутри себя иерархически соподчиненным: «*Magnus in magia naturalis, major in philosophia, maximus in theologia*» («Великий в натуральной магии, еще более великий в философии, величайший в теологии»). Философский камень обладает возможностями божества. Вместе с тем его посредническая миссия меж несовершенным и совершенным — миссия сына божия. Он — «дитя, увенчанное добродетелью и царским пурпуром»²¹.

Алхимик — создатель эликсира по меньшей мере богоравен²².

Алхимический бог конструируется по подобию христианского бога. Мощь его столь же безгранична. Даже больше. Философский камень в области «изготовления» чудес куда производительней своего официального аналога. Вот почему философский камень — больше, нежели комментарий, больше даже, нежели интерпретация христианского мифа. Это не работа по образцу. Алхимическое дело — это сотворчество с богом, акт творения, глубоко еретический акт, взрывающий традицию, хотя внешне этой традиции подобный, ибо «*novarum rerum* (даже под видом старого) *cupidus*». В то же время чудеса, творимые камнем, куда менее духовны, зато куда более заземлены, огрублены по сравнению с христианскими чудесами. Они популярны до вульгарности. Не потому ли сподобленность алхимическому богу межкультурна, а значит, уже принадлежит иной культуре, еще только мреющей в недрах исконного средневековья?

Если возможен и даже естествен для христианского бога схоластический

²¹ Сумятица символов, означающих философский камень, свидетельствует о не совсем божеской мощи Великого магистерия. Символы-синонимы камня представляют не только эмпирей, но и преисподнюю. Всемогущество дьявола количественно равно всемогуществу бога. Разница — лишь в нравственной направленности.

²² Верно, в алхимических трактатах можно вычитать немало оговорок, как бы принижающих богоравность адепта. Альберт Великий, например, решительно настаивает: алхимик «должен быть молчаливым и скромным»... (Fierz-David, 1952, с. 95; Hoefel, 1842, с. 360—361). Унижение паче гордости. Гордынное всеислие в деле может обойтись и без праздного пышнеловия.